

Каждое чудо должно найти свое объяснение, иначе оно просто невыносимо.

Святой Карл Пражский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Любезный! Вы паромщик?

Человек в широкополой соломенной шляпе и с трубкой в зубах приоткрыл глаза, серые и невыразительные, как заполненные дождевой водой отпечатки копыт в земле.

— Чего желаете?

— Желая переправиться на остров, и поскорее. Во сколько это обойдется?

Паромщик не удостоил его вторым взглядом. Вместо этого он коротко затянулся из пеньковой трубки, исторгнув в воздух клуб желтоватого дыма. Судя по запавшим глазам и мелким кровоточащим язвам на губах, курил он какой-то тонизирующий алкалоид, но Гримберт сомневался, что это был благородный эггонилбензоат. Скорее, какая-то дявольская смесь из львиного хвоста, голубого лотоса и шалфея, популярная в здешних краях. Мертвый немигающий взгляд паромщика, устремленный к стылым океанским водам, говорил о том, что он курил ее достаточно долго, чтобы его нервная система давно превратилась в подобие выжженной чрезмерным напряжением электрической сети.

— Переправиться? Да пожалуйста, — ответил он равнодушно. — Два денье за двоих, еще три — за доспех. Стало быть, всего пять. Паром отчаливает через два часа.

— А далеко ли Грауштейн?

— Пять сотен рут. Только не обычных, а брауншвейгских.

Гримберт мысленно выругался. Воспитанный Магнебодом в почтении к имперской системе мер, он в равной степени хорошо мог считать как в километрах, так и в туазах и лигах, принятых на восточных рубежах, но здешние мерки не раз ставили его в тупик. Не так-то просто навскидку вспомнить, сколько метров будет в брауншвейгской руте и чем она отличается от ганноверской или баденской.

«Серый Судья» охотно пришел на помощь, хоть и не отличался великим умом. Вышло два километра с лишком. Совсем не впечатляющее расстояние, если мерить по суше, но весьма солидное, если речь идет о водах Сарматского океана.

— Отлично. Мой оруженосец заплатит. Но я хотел бы отправиться прямо сейчас.

Это не произвело на паромщика никакого впечатления.

— Паром к Грауштейну отправляется через два часа.

— Ну ты, бездельник! — рыкнул Берхард, теряя терпение. — Разуй свои овечьи бельма! Не видишь, что ли, что перед тобой рыцарь?

Паромщик равнодушно скользнул взглядом по броне «Серого Судьи». Судя по всему, доспех не внушил ему надлежащего благоговения, и Гримберт понимал отчего. Его доспех настолько же походил на тех рыцарей, что рисуют обычно на афишах, возвещая начало какого-нибудь турнира, насколько сам паромщик — на святого Петра. Ни пышного плюмажа, ни выписанного хорошей краской герба на груди, ни свиты — одна

лишь невыразительная серая сталь, и та не полированная, а потертая, обожженная, покрытая оспинами старых попаданий и латками наспех заделанных пробоин. Даже расчехли он оба своих трехдюймовых орудия, едва ли это заставило «Серого Судью» выглядеть хоть сколько-нибудь представительнее.

Орудия были инсбругской работы, и Гримберт втайне ими гордился. Приобретенные не так давно, съевшие их с Берхардом доход за последний год, они не превращали «Серого Судью» в грозного противника, но, по крайней мере, позволяли Гримберту не прятаться в придорожных кустах от стыда всякий раз, когда он слышал приближающиеся шаги бронированного собрата.

— Нынче в Грауштейне рыцарей больше, чем козьего дерьма на тропе, — паромщик сплюнул себе под ноги сгусток синеватой от курева слюны. — Только за сегодня троих перевез. Прут и прут, как черти...

Берхард с глухим ворчанием опустил руку на рукоять суковатой дубинки. Гримберт с удовольствием наблюдал бы за тем, как он преподает паромщику урок хороших манер, а то и сам бы превратил наглеца в кровавую ветошь короткой пулеметной очередью, но с сожалением признал, что в этот раз придется сдержаться.

— Брось этого осла, Берхард, — раздраженно приказал он. — Я на «Судье» переправлюсь по дну, а ты дождись парома и доставь мулов с припасами. Заодно сэкономим пару монет...

— Не советую, сир рыцарь, — паромщик коротко зевнул, продемонстрировав изъеденную ядовитым зельем пасть, полную сгнивших зубов. — Не то придется мне осколки вашего доспеха еще пару дней из воды вы-

уживать. Большие-то хоть на переплав сдать можно, а от мелких одна морока, только дно захламляют...

— Что ты несешь? — Гримберт вновь едва удержался от того, чтобы перерубить его пополам хлесткой пулеметной очередью. — Какие еще осколки?

Паромщик коротко кивнул в сторону океанской глади:

— Донные мины. Их еще в старину ставили, от кельтов, значит. Так и ржавеют с тех пор на доньшке. Взрыватели магнитные, чуткость у них большая. Человека или там корову не тронут, а кто в доспехе вброд пойдет, обратно уже не выйдет, вот как.

Гримберт едва не заскрипел зубами. Стоило это предвидеть. Монастыри монахов-рыцарей часто оборудовались подобно крепостям, возводя многочисленные эшелоны обороны, ему следовало догадаться, что Грауштейн не являет собой исключения. Донные мины — серьезная штука, с такой стоит считаться.

— Ах ты дьявол...

— Да обождите вы, мессир, — буркнул паромщик, выбывая трубку, уже более миролюбиво. — Через два часа переправлю вас на остров, бережно, как Ной — зайчонка. Если хотите знать, на пароме паломники с самого раннего утра ждут, и ничего. Даже рыцарь один имеется, вроде вас, и ждет, как миленький, не злословит.

— Заплати этому мерзавцу пять денье, Берхард. Так что, много народу нынче на острове?

Пять серебряных монет, переданных Берхардом паромщику, не сделали его более приветливым, но немного разговорили. Некоторым металлам свойственно потрясающе влиять на человеческое поведение и образ мышления, подумал Гримберт со смешком. Меди, сере-

бру, золоту. И, конечно же, свинцу. Последний, по его мнению, всегда был наиболее ходовым, способным дать фору даже платине высшей очистки.

— Прежде не особо-то было, по правде говоря. Что им тут делать-то, в северных краях, мышей гонять? А как чудо снизошло, на монастырь, значит, так и поперли, словно грачи на бахчу.

— Сплошь лазариты небось?

Язвы на лице паромщика не походили на печать лепры, из чего Гримберт заключил, что тот не является послушником ордена Святого Лазаря, наибольшее — обсервантом, обслуживающим монастырь и ведущим монашеский уклад жизни.

— Лазаритов-то больше, конечно, каждый день, почитай, прут. Но и обычные люди бывают, даже рыцари.

— Что, всем охота взглянуть на чудо?

Паромщик посерьезнел.

— Пятка святого Лазаря не каждый день мироточит. Столько паломников из окрестных графств собралось, что как бы весь остров под воду не ушел. Каждый день по две-три сотни переправляю. Как приор про чудо объявил, так и началось...

— А много ли там народу скопилось? В Грауштейне?

Паромщик почесал подбородок сухим желтоватым ногтем.

— Рыцарей всякого рода — две дюжины душ, не меньше. А мелкого люду — да тыщи две будет...

Гримберту показалось, что он ощутил тонкий писк зуммера, предупреждающего о захвате цели, тревожный и в то же время неизъяснимо приятный.

— А что настоятель монастыря? — как можно небрежнее осведомился он. — Тоже на острове?

— Это приор-то? А то как же! Проповеди ежедневно читает паломникам.

— Должно быть, очень усердной веры человек.

— Необычайно усердной, — подтвердил паромщик, возясь с кремнем. — Нрав у него, честно сказать, иной раз жестковат, но, как по мне, иной раз лучше жесткая солома, чем мягкая перина.

Гримберт улыбнулся, зная, что за стальным лицом «Серого Судья» его улыбка останется незамеченной.

— Да, — произнес он негромко. — У меня тоже остались о нем именно такие впечатления. Что ж, Берхард, не будем докучать нашему любезному властителю вод пустыми расспросами. Если у нас есть два часа, лучше потратить их наилучшим образом. Например, запастись морским песком и попытаться соскоблить окалину с брони.

* * *

«Серый Судья» шел неохотно, сердито ворча изношенными потрохами, точно немощный старый конь, которого жестокосердный хозяин поставил под плуг, не обращая внимания на жалобы. Потроха эти были не единожды чинены, но все никак не могли притереться друг к другу, отчего Гримберту иной раз казалось, что его доспех норовит развалиться на ходу.

Но «Серый Судья» никогда не разваливался. Он пер вперед с мрачной решимостью стального механизма, слепо выполняя волю своего хозяина и монотонно кляня ее же своим механическим голосом. Иногда Гримберту было почти по-человечески его жаль.

— Главный редуктор дребезжит, — вздохнул он. — И снова течет масло. Заменить бы поршни, да только где в этих краях найти приличную кузницу...

— Три дня марша без передыху любой доспех утрясут так, что гайки полетят, — проворчал Берхард, ведущий мулов впереди. — Не сиделось тебе в Провансе, мессир? Девки там свежие и душистые, как сено, погрёба ломаются от снеди, а дворяне ленивы и беспечны, как ожиревшие коты. Пора урожая наступает... Сколько подвод мы бы успели перехватить? Сколько пустующих замков тряхнуть? А тебя, значит, на север потянуло? Мощам святым поклониться? Ну вот и хлебай, что налито.

— Даже раубриттерам полезно помнить о своей бессмертной душе! — с улыбкой заметил Гримберт. — Чем тебе не нравится север?

Берхард нахмурился, помогая мулу за узду миновать глубокую промоину, образованную отпечатком чьей-то рыцарской ноги. Отпечатков было много, причем свежих, так что мулам приходилось несладко.

— Паршивый край, — буркнул он. — Холодно и мокро, что зимой, что летом. Все хиреет из года в год, земля преет и гниет, а солнца здесь и подавно сорок лет не видали. Как по мне, отсюда даже разбойники давно удрали без оглядки.

Гримберт смолчал, хотя внутренне был согласен с оруженосцем.

Дорога к побережью, по которой они спускались, была столь извилиста и крута, что он с трудом удерживал «Судью» от сползания на залитую жидкой грязью обочину. Еще недавно эта дорога была захиревшей горной тропой, но многие сотни ног, копыт и колес в короткое время превратили ее в нахоженную

колею. Сколько людей прошло здесь за последние дни? Тысячи, судя по этим отпечаткам. Тысячи паломников, устремившихся на зов истинного чуда, пробудившегося в Грауштейне. Тысячи оборванных бедолаг, согласных идти на край света, лишь бы обрести милость святого Лазаря. Но Гримберт жалости к ним, в отличие от доспеха, не испытывал.

В одном месте грязи оказалось столько, что ему пришлось смести бронированным плечом несколько сухих деревьев, чтобы Берхард смог соорудить из них небольшую гать. Это не улучшило настроения оруженосца ни на грош.

— Завязнешь в этой грязи — не жди, что вытаскивать тебя буду, — ворчал он, ожесточенно работая топором, — так и утонешь здесь, паучье отродье. Не знаю, что там за чудеса эта пятка показывает, как по мне, уже чудо, что ты сюда своим ходом дошел. Три дня без остановки, чтоб тебя!

— «Судье» не привыкать к передрягам, — Гримберт мысленно похлопал доспех по щербатой серой броне. — Он у нас тертый старик.

— Это консервная банка, — огрызнулся Берхард. — Ты не хуже меня знаешь, что он едва на ходу. У тебя снова барахлит внутренняя энергосеть. Малейший скачок напряжения в ней, и половина внутренних узлов выходит из строя. Хочу посмотреть, как ты взвоешь, оставшись в разгар боя без целеуказателя или радара...

— Мы заменим проводку и предохранители, как только представится возможность.

Но смягчить нрав старого барона было не проще, чем притупить закаленный сердечник бронебойного снаряда глиняной крошкой.

— Смотри, как бы нам вскоре не пришлось заменить и то, что в середине, — буркнул он, проверяя ногой гать. — Сколько ты уже торчишь в своем доспехе? Четыре дня?

— Три.

— Три! Странно, что твои мозги еще не закипели в черепе, мессир. Тебе стоило хотя бы иногда вытаскивать нейроштифты из головы да выбираться наружу, пока сам в мощи не превратился.

Гримберт слабо улыбнулся, даже не зная, отразилась ли эта улыбка на его лице. Его настоящим лице. Он так давно сросся с тяжелым телом «Серого Судьи», что почти не получал ощущений от того комка плоти, который съезжился внутри серой брони. Даже предельно примитивная, устаревшая и, пожалуй, унижительная процедура ввода и вывода пищи и продуктов жизнедеятельности не могла заставить его надолго отключаться от нейроинтерфейса.

— Прекрати ворчать, старик, — небрежно бросил Гримберт. — Подумай лучше о своей бессмертной душе. Разве мало мы с тобой за последнее время грехов на себя взяли?

— На роту ландскнехтов хватит, — отозвался Берхард, сверкнув острой, как мавританский кинжал, ухмылкой. — Это если после Рождества брать. А если до...

— Вот именно. Так не пора ли воспользоваться случаем, чтобы приникнуть к Божественной благодати, раз уж сам Господь соизволил явить чудо?

— Сарказм удастся тебе не лучше, чем портовой шлюхе — ласка, — буркнул Берхард, мгновенно сбрасывая фальшивую личину. Так с боевого доспеха слетает брезентовое покрытие, обнажая бронированную

сталь. — Паук, который задумался о том, как бы спасти свою душу, — живот надорвать можно!

— Ты оскорбляешь мою христианскую добродетель, — произнес Гримберт с выражением уязвленного смирения, хоть и знал, что грубые динамики «Судьи» превратят любую интонацию в бесцветный шум. — Даже последний раубриттер имеет право на спасение души.

Берхард беззлобно хлестнул отстающего мула хвостом по крупу.

— Не держи меня за дурака, мессир, — посоветовал он. — Последние три дня мы мчались к морю, будто мучимый жаждой пьяница к бадье с водой. Покинули сытный Прованс, где могли бы славно перезимовать, и бросились сломя голову на север. И это притом что ходовая «Судья» выработала половину ресурса, а с подшипниками и вовсе дрянь творится... Что за чудо должно было случиться в этом растреклятом монастыре, чтоб ты ринулся к нему, точно похотливый дьякон за юбкой?

Миновав крутой поворот, они подошли к паромной переправе. Отсюда уже можно было увидеть океан, прежде прятанный за осклизлыми холмами и зарослями болезненных шипастых деревьев. Бескрайняя водная гладь обычно придает сил усталым путникам, но Гримберт не ощутил облегчения, внутренности его все еще стонали после многих часов непрерывной тряски.

Сарматский океан. Говорят, когда-то он вздымался и бурлил под градом выпущенных снарядов, исчерченный острыми киями кельтских десантных кораблей. Сейчас же взгляд Гримберта равнодушно скользил по

его гладкой, почти не нарушаемой волнами поверхности. Он казался сонным, вялым, равнодушным, точно был заполнен не водой, а вяло колыхающимися слоями болотной жижи. Кое-где на его поверхности виднелись щербатые гранитные обломки небольших островов, таких же безжизненных, как и он сам.

Этот океан мертв, подумал Гримберт, мертв, как мертвы мощи святого Лазаря. Как мертвы мои глазные нервы. И если когда-то в его недрах была жизнь, она давно ушла отсюда или переродилась в такие формы, которые не имеют ничего общего со знакомыми нам.

— Я знаю, зачем ты здесь, мессир.

Одно из достоинств того, что твоя уязвимая плоть спрятана за дюймами броневой стали, заключено в том, что многотонное тело не подвержено обычным нервным реакциям. Оно не вздрогнет от неожиданности. За это Гримберт тоже его ценил.

— Что?

— Я не дурак, — мрачно обронил оруженосец. — Я заметил, как ты расспрашивал паромщика о приоре. Кажется, он интересовал тебя даже больше, чем чудотворная пятка, из-за которой разразился весь шум.

— С твоей наблюдательностью впору работать в святой инквизиции, — пробормотал Гримберт, невольно уязвленный. — Странно, что тебя устраивают лавры оруженосца.

— Даже там мне едва ли попадались бы такие отчаянные лжецы, как ты, Паук, — спокойно парировал Берхард. — Этот приор — твой давний приятель, не так ли? Один из тех, кто лишил тебя титула?

Гримберт вздохнул. Автоматика «Серого Судьи» позволяла насыщать кровь кислородом в автоматическом

режиме, но время от времени он делал это самостоятельно — чтобы не атрофировались без нагрузки легкие.

— Его зовут Герард. Священник. Приор ордена Святого Лазаря. Да, он из моих старых приятелей. Из тех, что заварили в свое время Похлебку по-арборийски.

— Я так и подумал. А теперь убеди меня в том, что ты не выжил из ума, мессир. В том, что твои мозги еще не превратились в похлебку от постоянного контакта с нейроинтерфейсом.

— Что?

— Остров сейчас должен быть набит святошами под завязку. Одних только братьев-рыцарей ордена должно быть несколько дюжин. Поэтому скажи мне сейчас, прежде чем мы достигнем парома, что ведет тебя в Грауштейн? Если это месье, здесь наши дороги расходятся, Паук. Я возьму причитающуюся мне часть меди, одного мула, поверну обратно, и если помедлю хоть минуту, то только лишь для того, чтобы плюнуть напоследок тебе в спину.

Гримберт помедлил с ответом, аккуратно перенося вес «Серого Судьи» с одной ноги на другую.

— Знаешь, многие сочли сумасшедшим Давида, когда он принялся собирать камни. Эти камни он собирался вложить в пращу, чтобы повергнуть непобедимого Голиафа. Грауштейн станет первым моим камнем, Берхард.

Оруженосец ощерился:

— Ненавижу, когда ты начинаешь плести из слов паутину. Может, маркграфы именно так и изъясняются, да только ты уже не маркграф, а раубриттер, да и я — не графиня с задранной юбкой.

Гримберт сделал еще один глубокий вдох. Иногда с Берхардом было непросто, но он уже давно уяснил, что разнообразные достоинства этого человека с лихвой компенсируют многие же его неудобства.

— Их было семеро. Семеро человек, которые сострепали заговор. Они же и пожали его плоды, уничтожив маркграфа Туринского. Последние два года я следил за их судьбами, насколько это возможно. Судьбы эти складывались по-разному, у кого-то лучше, у кого-то хуже, но все семеро получили по своему куску сладкого пирога. И вот что странно. Шесть из этих судеб видно отчетливо, как золотые нити в вышитом гобелене. Иногда они теряются, но ненадолго. Достаточно подставить ухо слухам, как их судьбы начинают обрастать новыми подробностями и деталями. Маркграф Гунтерих. Граф Лаубер. Сенешаль Алафрид. Граф Леодегарий. Граф Вьенн. Бургграф Клеф. Догадываешься, кого здесь не хватает?

— Герард, приор ордена Святого Лазаря.

— Да. Он словно канул в воду после штурма Арбории. Вместо того чтобы распространять по завоеванным землям слово Божье к вящей славе ордена Святого Лазаря, приор Герард будто пропал, растворился, распался на атомы. Еще немного — и я бы поверил в то, что он живым вознесся в Царствие Небесное! И теперь восседает одесную от Господа, кротко и смиренно глядя вниз сквозь прорехи в облацах на наши грехи...

— Ты все ещеразишь ядом, как старый паук.

Гримберт и в самом деле ощутил под языком кислую горечь. Он охотно сплюнул бы ее в землю, удобряя и без того ядовитую здешнюю почву, кабы не сидел в тесной клетки рыцарского кокпита, сдавленный со всех сторон сталью.

— Он так и не возвратился в свой старый приорат, монастырь Гроттаферрато. Этот прокаженный мерзавец пропал, будто его никогда и не существовало. И это в то время, когда он должен был упиваться славой покровителя Арбории!

— Что, если он просто удалился от суетного мира, чтобы посвятить свою жизнь молитвам и очищению души? — неохотно спросил Берхард. — Я слышал, среди монахов такое не редкость.

Гримберт рассмеялся. Скрежещущий смех «Судьи» заставил одного мула шарахнуться в сторону, едва не вырвав из руки Берхарда узду.

— Только не Герард. Только не он! Я видел его, Берхард. Тогда, еще до Арбории. Это была кипящая ярость Господня, отлитая в человеческой форме. И скорее я поверю в то, что его величество принял магометанство, чем в то, что человек вроде Герарда может по доброй воле удалиться в скит. Можешь себе вообразить мое изумление, когда три дня назад до деревушки, в которой мы с тобой обретались, донесся слух о снисхождении Чуда Господнего на безвестный монастырь Грауштейн, о чем возвещает его настоятель, приор ордена Святого Лазаря отец Герард?

— Значит, это не месть?

— Нет. Пока нет. Это вылазка в стан врага, мой друг. Именно поэтому я попросил тебя три дня назад стереть с брони все фальшивые знаки и гербы, которыми мы прежде пользовались. «Серый Судья» стар и неуклюж, но в умелых руках он станет отличным лазутчиком.

— Прикинемся паломниками?

— Именно так. В Грауштейне сейчас должно быть до черта народу, включая и рыцарей-раубриттеров. Слив-

шись с ними, я смогу узнать многое о своем заклятом враге. Подобрать тот самый камень, который пробьет его бронированный лоб.

Кажется, этот ответ устроил Берхарда. По крайней мере, тот перестал хмуриться. По крайней мере, он вновь взял мулов под уздцы и во время всего спуска не произнес больше ни слова. Гримберт счел это обнадеживающим знаком.

* * *

Паром, как и ожидал Гримберт, оказался архаичной грузовой платформой, похожей на панцирь исполинской черепахи. Он был покрыт застаревшими шрамами так плотно, будто сам не раз принимал участия в морских баталиях. Разглядывая тронутые ржавчиной грузовые деки и палубу, Гримберт мрачно подумал о том, что стоит на поверхности Сарматского океана разразиться хотя бы небольшому шторму, эта посуда пойдет на дно вместе со всеми своими пассажирами.

Пассажиров набралось изрядно, это было видно даже издалека. По меньшей мере половина палубы была занята пестрой толпой, в которой сенсоры «Серого Судьбы» не замечали вкраплений благородного бархата или шелка, одни лишь лохмотья и грубое некрашеное сукно. Чернь из всех прибрежных графств спешила в Грауштейн.

Ждут своей очереди прикоснуться к чуду, с мрачным смешком подумал Гримберт, разглядывая эту толпу с явственным отвращением. Запустить скрюченные пальцы в горячий котелок, прежде чем чудо не выдохлось и не потеряло свой дразнящий аппетитный запах.

Ветераны неведомо каких войн, нетерпеливо переминающиеся на грубых костылях. Сгорбленные тяжелым трудом сироты в дырявых обносках. Увечные и калеки, беспрестанно расчесывающие свои язвы. Скорбные вдовы в одинаковых черных накидках. Горланящие нищие, похожие на спящих под ногами мохнатых бесов. А еще — воры и мошенники всех мастей, бездомные, сумасшедшие, юродивые, кающиеся... Все они рвались засвидетельствовать свое почтение мироточащей пятке святого Лазаря.

На какое-то время Грауштейнское чудо превратит этот затерянный в северной глуши монастырь в путеводную звезду для всех страждущих, обездоленных, лишенных и алкающих. Они потянутся сюда длинными вереницами со всех сторон света к вящей радости ордена, оставляя на мостовой Грауштейна щедрые подношения вперемешку с вшами из своих лохмотьев. На какое-то время жизнь в монастыре забурлит подобно гейзеру. Возникнут торговые лавки, обеспечивающие желающих всем необходимым, от нательных крестов с молекулой пота святого Андрея до скверных консервов из лошадиного мяса. Появятся, будто из ниоткуда, ростовщики и купцы, а вслед за ними — ремесленники, проститутки, разбойники, шулеры, продавцы наркотических зелий, менялы, охранники... На какое-то время Грауштейн обратится настоящим городом наподобие миниатюрного Иерусалима. Но лишь на какое-то время.

Империя огромна, а запас чудес у Господа воистину безграничен. Уже завтра в каком-нибудь соборе в Нанте замироточит крест, спустя два дня в Барселоне родится теленок с пятном в форме лика Христова на спине,

а еще неделю спустя в Монтепульчано потрясенный бродяга увидит под покровом ночи призрачный силуэт почившей много лет назад святой Агнессы...

И река мгновенно хлынет обратно в свои берега. Стихнет людской гомон, пропадут шумные процессии паломников, натоптанный к переправе тракт вновь обратится тонкой тропкой, а нелюдимый паромщик будет сутками напролет ждать хотя бы одного желающего переправиться на ту сторону. Останется лишь то, что существовало здесь всегда, еще до прихода человека — мертвый серый камень и равномерный плеск равнодушных волн.

— Гляди, мессир, рыцарский доспех на погрузочной платформе.

— Вижу, — кратко ответил Гримберт. — Видимо, это и есть наш незадачливый попутчик, который ждет с самого утра.

— Ну и рухлядь же... Пожалуй, даст фору нашему «Судье», такая же консервная банка.

— Имей уважение к рыцарскому званию, мерзавец.

Ему стоило большого труда произнести это нарочито ровным тоном — машина, стоявшая на погрузочной деке, своим видом вызывала не больше уважения, чем ярмарочный шут. Небольшая, непропорционально сложенная, она напоминала карлика с гипертрофированной головой и тонкими ногами, а оружейные стволы выглядели несуразно маленькими даже по сравнению с трехдюймовками «Серого Судьи».

— Модель «Юстус», — Гримберт с интересом рассматривал отдельные детали, пользуясь увеличением зрения. — Не такое уж и старье, как может показаться. Их закончили выпускать лет сорок назад.

— Этими пушками только воробьев гонять, — брезгливо заметил Берхард. — К тому же я даже отсюда вижу нерациональную схему бронирования, перетяжеленный шлем и по меньшей мере спорную ходовую часть. Этот уродец не продержится и минуты в бою с настоящим рыцарем.

— Когда-то имперские кузны выпускали «Юстусов» сотнями, точно кастрюли. Если мне не изменяет память, это было во время последнего сарацинского нашествия, когда защитников Триполитанского графства едва не сбросили в Средиземное море. Это дитя военного времени, мой друг, уродливое, как и все отпрыски войны.

— Его стоило бы придушить в колыбели.

— Так и случилось. Отец рассказывал, что «Юстусы» массово выбывали из строя еще до того, как успевали вступить в бой. Неудачная конструкция, крайне посредственная баллистика орудий и столь несовершенная система охлаждения, что многие защитники Триполи, говорят, сварились вкрутую прямо в собственных доспехах. Я удивлен тем, что кто-то из «Юстусов» еще коптит небо. Хотел бы я знать, каким ветром его занесло так далеко на север.

— Тебе представится такая возможность, мессир. Если я не ошибаюсь, его хозяин развалился в тени и похлебывает вино из фляги. Отважный малый. Будь я владельцем этого железного болвана, не рискнул бы даже носа показать наружу.

— Представимся, — решил Гримберт, направляя послушного «Судью» к погрузочной деке. — К тому же рыцарский кодекс требует проявления вежливости в любой ситуации. Будем ему верны.

Кажется, у владельца «Юстуса» были такие же странные представления о рыцарской вежливости, как и о современном доспехе. Вместо того чтобы принять соответствующую позу и отвесить короткий поклон, как того требовал этикет, он лишь благодушно махнул рукой:

— Шагайте сюда, старина. Смелее, здесь хватит места для нас обоих! Только не раздавите меня ненароком своими ножищами! Давайте, выбирайтесь и ложитесь в тень. Жарковато, а? Судя по вашим теплоотводам, там у вас внутри настоящая душегубка!

— Немного душно, — признал Гримберт. — Но мне не привыкать.

— Закаляете душу, загодя готовя ее к геенне огненной? Это не может не внушать уважения!

— Ну, уж райских кущей мне точно не видать, — заметил Гримберт. — Не после того, что я произнес за последние два часа, трясясь на этих-то амортизаторах по окрестным холмам.

В темных глазах владельца «Юстуса» мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Ого. Чувство юмора! Редкий товар в этой части империи. Что ж, выбирайтесь наконец из своей скорлупы и предадимся, подобно древним варварам, простым жизненным радостям! У меня есть фляга вина с барбитуратом, а это лучшее средство для знакомства, кроме того, как ничто другое позволяет скоротать время до отплытия. К сожалению, этой флягой мои активы и исчерпываются. Но если у вас завалилась пара медных монет и есть оруженосец или слуга, можете послать его в ближайшую деревню за хлебом. Кроме того, из окон здешней корчмы я отчетливо слышал запах тушеных колбас.

Думаю, два таких славных рыцаря, как мы с вами, могут бросить им вызов и одолеть по меньшей мере футов шесть, прежде чем погибнут от желудочной грыжи!

— В высшей мере заманчивое предложение, — согласился Гримберт. — Однако есть обстоятельство, которое мешает мне разделить с вами трапезу, сир. Я не могу покинуть этот доспех.

— Это еще отчего?

— Обет. Я дал обещание перед ликом Господа не снимать своих доспехов три года, три месяца и три дня.

На лице лежащего в тени рыцаря отразился неподдельный интерес.

— Так вы что же, святоша? Подумать только! Мне доводилось знать одного священника из Меца, тот тоже был мастак давать обеты по любому поводу. При этом хитрец был отчаянный. К примеру, если дело было в пост, он давал торжественный обет съесть половину жареного гуся — и, представьте себе, съедал, заливаясь слезами. Или, скажем, в воскресенье давал обет весь день не вставать с постели. Никогда не видел человека, более искреннего в вере! На какие только жертвы он не был готов ради своей бессмертной души!

— Я не священник. Мой обет вполне... светского свойства, а об обстоятельствах я бы сейчас распространяться не хотел.

— Как я могу не поверить собрату-рыцарю? — незнакомец прижал ладонь к сердцу. — Однако теперь меня снедает любопытство. О каких еще обетах следует знать вашему невольному попутчику? Не давали ли вы обет петь во все горло кабацкие песни при свете луны? Быть может, маршировать при звуках грома? Палить в людей, задающих неудобные вопросы?

— Ничего такого, — заверил его Гримберт. — Только лишь называть свое имя встречным, а также демонстрировать какой бы то ни было герб.

Словоохотливый незнакомец понимающе кивнул:

— Благородный рыцарь без герба. Весьма возвышенное побуждение, столь редкое в наш век, когда краска и чернила безжалостно вытесняют те жидкости, которые были популярны среди наших предков, — кровь и вино! В наше время вообще многие склонны излишне много внимания уделять картинке на груди, скрупулезно подсчитывая количество перьев на хвосте геральдического петуха. Знаете, у меня был один приятель из Швабии, мелкий барон, земли у которого было достаточно лишь для того, чтоб уместить рядом корову, лошадь и курицу, для шляпы места уже не хватило бы. Он и бароном-то стал случайно, отец у него был скорняком. Так вот, вы не поверите, насколько этот парень был охоч до гербов! Часами рассуждать мог о том, какому гербу какой намет или бурелет полагается, какая тинктура к нему подходит, сколько колосьев должно быть в поле... А как справил себе доспех, так совсем из ума выжил на этой почве. На последние гроши заказал себе герб, да какой! Клянусь этой флягой, у меня голова кружилась, стоило только взглянуть на него. Чего там только не было! Ангелы, грифоны, кони, орлы, единороги, быки, змеи, вепри, даже, кажется, один дракон... Все это перемежалось виноградными лозами, большими и малыми коронами, книгами, кинжалами, звездами, хризмами, крестами самых разных форм и размеров, копьями и бог знает чем еще. Говорю вам, это был не герб, а какое-то фантастическое полотно, которое можно было чи-

тать днями напролет, словно книгу! Ничего удивительнее в жизни не видел.

— Отдает тщеславием, — заметил Гримберт нейтрально.

Сам он последние несколько минут разглядывал герб незнакомца на груди доспеха. Давно не подновляемый, нанесенный не лучшей краской, он заметно истерся, но все же оставался читаем — угловатая черная птица, сидящая на крепостной стене. Герб был лаконичный, если не сказать скромный. Все геральдические птицы, которых прежде видел Гримберт, отличались весьма вздорным и боевым нравом — топорщили крылья, хищно открывали клювы, а то и терзали вражеский череп. Эта птица была другой, маленькой и невзрачной, похожей на примостившуюся на крепостной стене ворону.

— Парень попросту начитался рыцарских романов и был не в меру восторжен. Многих из нас это чувство обурекает в юности, прежде чем мы накидываем на неукротимый порыв страсти шоры зрелого опыта. Так и он рвался в бой, горя желанием показать всему миру свой герб и утвердить рыцарские добродетели. Доспех у него был плохонький, старый, изношенный «Клавам» третьей модели, с текущим реактором и через раз заедающими пушками, но это его, конечно, не остановило.

— И как сложилась его судьба?

— Печально, — незнакомец глотнул из фляги. — Как и у всех юных дураков на этом свете по заведенной издавна традиции. Стоило ему отойти на десяток километров от вотчины, как судьба свела его с другим рыцарем. Проклятый герб сыграл своему хозяину плохую службу. Увидев его, другой рыцарь вообразил, что судьба свела

его с самим чемпионом герцогства, не меньше. И тут же вызвал его на бой. Настоящий, без имитационных снарядов. От первого же выстрела у дурака заклинило орудия, и, прежде чем он сумел перезарядиться, противник разнес его бронекapsулу вместе с ним. Доспех еще несколько месяцев лежал в канаве, прежде чем его растащили по окрестным кузницам, а кусок лобовой брони с тем самым злополучным гербом, говорят, до сих пор висит в какой-то корчме на радость выпивающим знаатокам геральдики.

— Поучительная история.

— Вы так считаете? — рассказчик смахнул с губ обильную винную каплю. — По-моему, если она чему-то и учит, то только тому, что надо поменьше слушать историй. А теперь позвольте мне исправить впечатление неотесанного и болтливого болвана, которое я успел на вас произвести, и наконец представиться. Хуго фон Химмельрейх, рыцарь. Если вам окажется бывать в Нижней Саксонии, там я известен некоторым по прозвищу Шварцрабэ, что на северном наречии означает «черная ворона». Впрочем, если вам в самом деле попадется человек, уверяющий, что знает меня, советую не слушать его рассказов — наверняка они полнятся самой настоящей клеветой!

Имя показалось ему знакомым. Оно походило на старый, истершийся указательный знак возле дороги, смутно узнаваемый, но в то же время совершенно незнакомый. Сколько подобных знаков встретилось ему на пути за последние два года? Сотни?

Тысячи, подумал он, многие тысячи.

— Простите, нам с вами не приходилось прежде встречаться?

— Полагаю, что нет. Ваш доспех не из тех, что легко забыть, уж простите за откровенность.

Гримберт не почувствовал себя уязвленным. «Серому Судье» доводилось вызывать куда более саркастичные и ядовитые замечания, среди которых реплика сира Черной Вороны могла бы, пожалуй, сойти за комплимент. Ему, большому и выносливому механическому существу, было не привыкать служить мишенью для упражнений в остроумии, самые изобретательные насмешки причиняли ему не больше вреда, чем горсть сушеного гороха — лобовой броне. Гримберту потребовалось куда больше времени, чтобы научиться сносить их с христианским смирением.

Как-то раз в Амьене мальчишки с постоялого двора, улучив безлунную ночь, щедро измазали «Судью» дегтем, так что им с Берхардом пришлось весь следующий день оттирать его тряпками и песком.

— Фон Химмельрейх... Возможно, мне приходилось слышать что-то о вашем роде. Полагаю, он из старых?

— Древний имперский род, — подтвердил Шварцрабэ, убирая флягу. — Даже более древний, чем та курица, которую подали мне в трактире этим утром. Замка у меня отродясь не водилось, что же до земли, мне хватит совсем небольшого куска, когда придет час. Ах да, совсем забыл. Эта груда железа, которая ржавеет неподалеку, именуется «Беспечный Бес». Она может выглядеть неказистой, но именно она сберегает мою жизнь на протяжении последних двадцати лет, а это не так легко, как может показаться!

«Беспечный Бес»? Гримберт едва сдержался от того, чтобы присвистнуть. Интересно, каких трудов стоило

сиру Шварцрабэ уговорить местного епископа освятить машину с таким названием?

Если кто и был занят настоящим делом, пока рыцари непринужденно болтали, так это Берхард. Привязав нагруженных мулов к поручням парома, он неспешно и основательно проверил упряжь и подковы, после чего набрал несколько горстей крупного морского песка и принялся полировать броню «Судьи». Несмотря на то, что работал бывший барон с таким видом, будто это занятие поглощает его внимание без остатка, Гримберт доподлинно знал, что тот прекрасно слышит каждое сказанное слово. Это качество с равным успехом можно было отнести к перечню как его достоинств, так и недостатков.

Шварцрабэ с удовольствием зевнул, глядя на яркое солнце, спелой виноградиной висящее в небе.

— У вас верный хронометр, сир инкогнито? Сколько еще до отплытия этой лохани?

— Паромщик утверждает, что два часа.

— Два часа... — Шварцрабэ горестно закрыл глаза. — Какая жалость, что вы не можете выбраться из своей скорлупы. Мы разложили бы карты и славно сыграли прямо тут в «Скат» или «Баранью голову». Впрочем, как благородный рыцарь, вынужден предупредить — в одном только Вольфсбурге меня выгнали из трех кабаков за шулерство.

Интересный тип, подумал Гримберт, невольно разглядывая разглагольствующего рыцаря, беззаботно пьющего вино в тени своего доспеха. Судя по всему, один из тех бедолаг-раубриттеров, которые вынуждены рыскать по всей империи, ища не столько подвигов, сколько пропитания. На востоке таких немного, там все

еще достаточно земли, чтоб обеспечить всех баронских отпрысков, но чем ближе к сердцу старой империи, тем их больше. Что ж, этот, по крайней мере, не позволит мне скучать за время пути.

— Вы не похожи на паломника, сир Хуго, — произнес он нейтральным тоном.

Шварцрабэ встрепенулся:

— Смею на то надеяться! Если я на кого и похож, то только на своего покойного батюшку, но, положи руку на сердце, и на то имеются некоторые сомнения...

— Так отчего же вы отправляетесь в Грауштейн?

— Помилуйте, разве мог я оставаться в стороне, когда в монастыре происходят такие вещи? Замироточила пятка святого Лазаря! Это ли не настоящее чудо?

— Должно быть, микрофоны моего доспеха окончательно вышли из строя, потому что я не улавливаю в вашем голосе надлежащего случаю почтения, сир.

Шварцрабэ расхохотался:

— Если я что-то и люблю в этой жизни, кроме вина и партии в карты, так это чудеса, сир инкогнито. Смею заметить, я не последний знаток чудес, хоть и не имею духовного сана. Признаться, чудеса влекли меня с самого детства. Видимо, в сошествии Духа Господнего мне, как каждому ребенку, чудилось истинное волшебство. Только с возрастом я не утратил любопытства. Более того, я развил это чувство путем постоянных упражнений. И если эти несчастные в лохмотьях, толпящиеся позади вас на пароме, мечтают прильнуть к чуду, чтобы выложить свои немудрящие желания, я собираюсь познать чудо в полной мере. Изучить его и сполна насладиться причастностью к нему.

— Так вы ученый? — с интересом спросил Гримберт.

Шварцрабэ с достоинством кивнул:

— Истинно так. Странствуя по герцогствам и графствам, не имея подходящего занятия, чтобы применить себя, я обнаружил большую тягу ко всякого рода чудесам, где бы они ни происходили. Только за последний год мне попались три, можете себе вообразить?

— А еще говорят, что Божья благодать все реже спускается на землю, — с преувеличенной скорбью вздохнул Гримберт. — Полагаю, чудеса были стоящие?

— Уж можете поверить слову рыцаря, старина! — с готовностью отозвался Шварцрабэ. — Хуго фон Химмельрейх лгать не станет. Не далее как в этом году в одной деревушке под Кобленцом мне рассказали об одном крестьянине, который слег, парализованный, много лет да так и остался недвижим. Лишенный возможности пить и есть, он целыми днями лежал без движения, принимая подношения от добровольной паствы, при этом нимало не теряя в весе! Говорят, местный епископ прочил его в святые! Мыслимо ли, человек, кормясь лишь духовной пищей, сохраняет не только жизнь, но даже румянец на щеках!

— Поразительно, — согласился Гримберт. — Значит, у вас была возможность прикоснуться к истинному чуду?

Шварцрабэ с важностью кивнул:

— Даже более того, мне суждено было явить еще одно. Увидев неподвижного крестьянина, возлежащего среди даров и подношений, я достал свой кнут. С виду это самый обычный кнут, даже непримечательный, только в него вплетен волос из лошадиного хвоста, принадлежавший кобыле, на которой когда-то въехал в Иерусалим сам Готфруа де Бульон. Этой плеткой

я и взялся охаживать чудотворца. Тут-то и случилось истинное чудо. Господь не только даровал мученику мгновенное излечение, но и наделил такой скоростью, что тот быстрее зайца выскочил наружу и устремился прочь. Если вычисления «Беспечного Беса» верны, сохраняя дарованную Господом скорость, он должен был достичь Руана самое малое за два часа!

— Невероятно.

Шварцрабэ с наставительным видом поднял палец:

— Чудеса часто бывают непостижимы для грубого человеческого ума без должной теологической подготовки. Однако я в меру сил тщусь их постичь и часто проявляю в этом недюжинное упорство, так уж у меня душа устроена. Но знали бы вы, как это порой просто!

— Охотно верю, сир Хуго, охотно верю.

— Вот, скажем, этой весной проезжал я один городок, сейчас уж и не вспомню названия. Тамошний священник тоже сделался чудотворцем. Макал руку в бочонок с обычной водой, утверждая, что тем самым освятил ее, сделав чудодейственной. Эту воду покупали у него три окрестных прихода, расплачиваясь чистым серебром. Говорят, хватало одной капли, чтобы излечить болезнь Гентингтона или запущенную опухоль. Скажете, не чудо?

Гримберт не смог сдержать улыбку.

— Вы и его смогли улучшить?

— Боюсь, что нет, — вздохнул Шварцрабэ, встряхивая флягу, чтобы проверить, сколько там осталось вина. — Напротив, с моим появлением чудо перестало являть себя людям. Рассудив, что раз уж одного погружения руки священника достаточно, чтобы сделать воду чудодейственной, я собрался было погрузить его

в бочку целиком. А чтоб вода как следует настоялась, подержать так пару часов — для верности. Я до сих пор думаю, что, если бы мне дали возможность осуществить этот план, одной каплей той чудодейственной воды можно было бы поднимать мертвецов из земли! Увы мне. Сам священник усомнился в моей методе. А сомнение, как вы знаете, худший враг веры. Его сомнение было столь сильно, что вода мгновенно утратила свою силу и с тех пор годилась только для поения коней.

Гримберт с удовольствием рассмеялся. Новый знакомый положительно начинал ему нравиться.

— Значит, теперь вы вознамерились приникнуть к мироточащей пятке святого Лазаря?

Шварцрабэ кивнул с самым серьезным видом:

— Как я могу пройти мимо, если господин приор уже раструбил об этом на все герцогство? Чудеса мимолетны, и я хотел бы успеть изучить его, прежде чем оно закончится. К тому же у данной конкретной пятки есть любопытные детали.

— Не больше, чем у любого другого куска некротизированной плоти в ларце из золота и серебра.

— Ошибаетесь, старина, очень ошибаетесь! Во-первых, это единственная в мире пятка святого Лазаря.

— Вот как?

— Смею вас заверить. Если все дошедшие до меня известия верны, в мире сейчас обретается три головы святого Лазаря, восемь рук, четыре ноги и самое малое двадцать ребер. Черт возьми, мне остается только восхититься упорством этого парня! Если бы я выглядел таким образом, молил бы Спасителя не воскрешать меня!

— Когда-то у меня был знакомый, который мог бы дать ему фору, — пробормотал Гримберт, предусмотрительно отключив микрофон. — Но едва ли он произвел бы на вас доброе впечатление...

— И только одна! Заметьте — одна! Одна пятка. Мало того, эта пятка даже без ноги пропутешествовала по земле втрое больше, чем я сам за все тридцать лет жизни!

— Это еще как?

— Согласно житию святых, запечатленному преподобным доминиканцем Иаковом Ворагинским, святой Лазарь почил в Марселе, однако его мощи были обретыены в самых разных местах, от Ларнаки до Константинополя. Это я и прежде замечал, останки святых ужасно беспокожны, они никогда не могут благопристойно лежать там, где их закопали. Так вот, пятка святого была обретена в землях гордых лехитов далеко на востоке. Там она вела необременительный образ жизни в монастыре местечка под названием Брок, о котором вы наверняка и не слышали. Однако лет около ста назад ей надоело оставаться на месте, и она тронулась в путь на запад, дойдя до самого Сарматского океана.

— Еще одно чудо?

Шварцрабэ беспечно махнул рукой:

— Чудеса подобного рода встречаются в империи так часто, что не заслуживают упоминания даже в церковном информатории. Обычайшее дело. Пятку из Брока похитили рыцари-лазариты, испытывавшие немалую досаду оттого, что кусок плоти их святого покровителя обретается бог знает где, в диких землях лехитов, вместо того, чтобы, будучи помещенным в над-

лежащий саркофаг, радовать взоры паствы в местном приорате ордена. Лазариты исправили это досадное упущение, и с таким пылом, что чуть было не сожгли до основания сам Брок, а пятку с большими почестями перевезли в Грауштейн, где она скучала еще добрых лет двести, прежде чем принялась творить чудеса.

— Если не ошибаюсь, она замироточила?

Шварцрабэ кивнул:

— Именно так!

— Может, расскажете про это чудо? Мы с моим оруженосцем прибыли издалека и, боюсь, не посвящены в детали.

— Охотно расскажу, сир инкогнито, охотно расскажу. Слушайте, мы знакомы всего несколько минут, а мне уже осточертело звать вас инкогнито. Ничто не угнетает так, как невозможность назвать человека по имени. Но раз уж вы сами его отринули... Не против, если я стану называть вас сир Гризео? Знаете, что означает это слово?

— «Серый». Я знаю латынь.

— Под цвет вашего доспеха. Так вот, сир Гризео... Не далее как неделю назад Господь соизволил явить чудо, и пятка святого Лазаря начала источать благословенную мирру.

— Ей полагается смазывать раны? Она исцеляет ожоги?

— Сложно сказать доподлинно, приникать к ней пастве не разрешается. Сами понимаете, если дать толпе лобызать сокровище такого уровня, через два дня ее слижут начисто, как леденец. А братьев-лазаритов едва ли можно упрекнуть в расточительности. Вместо этого паломникам позволено взглянуть на святыню

во время торжественной службы, которую единожды в день проводит сам приор.

Гримберт ощутил нечто вроде разочарования. Он никогда не испытывал пиетета к святым мощам, видя в них лишь кусок мертвой плоти, заточенный в богато отделанный контейнер, однако привык, что те хоть как-то проявляют свою суть, стремясь завоевать почтение публики. Ключица святого Власия, к примеру, обещала каждому прикоснувшемуся к ней мужчине здоровое потомство и любовный пыл на три года вперед. Указательный перст святого Кириака возвращал зрение слепым и излечивал от подагры. Позвонок из спины святого Лаверия специализировался на глухоте, мигрени и оспе.

Черт возьми, если пятка святого Лазаря не способна вершить чудес, конкурируя со своими именитыми соперниками, монастырю лазаритов не долго купаться в славе!

— Служба? И только-то?

Шварцрабэ цокнул языком:

— Разочарованы? Напрасно. Я имел возможность переброситься парой слов с паломниками, что возвращались наместни с острова, все они как один были необычайно воодушевлены. Точно ангел Господень поцеловал каждого из них в темечко. Дело в том, что во время торжественной службы, проводимой приором, на всех присутствующих снисходит чудо, и силы в этом чуде столько, что многие забываются в молитвенном экстазе, не в силах даже найти нужных слов, а прочие рыдают от счастья. Разве не любопытно?

— Пожалуй, — вынужден был признать Гримберт. — Значит, желаете изучить это явление?

— Жду не дождусь подходящей возможности, — подтвердил Шварцрабэ. — Если это не чудо во плоти, тогда я уж и не знаю, что считать чудом. Я уже вооружил своего «Беса» всеми подходящими датчиками и надлежащим образом их откалибровал. Если под сенью Грауштейна в самом деле происходят чудеса, не позднее завтрашнего дня я буду располагать исчерпывающей информацией о нем.

— Похвальный порыв, — усмехнулся Гримберт. — Но лучше бы вам проявить сдержанность. Не уверен, что братья-лазариты будут счастливы, если вы дотошно протоколируете все аспекты чуда — некоторые чудеса необычайно стеснительны и не любят скрупулезного изучения.

Шварцрабэ выставил вперед руки в жесте, долженствующем означать нарочитое смирение — черту, которая совершенно не угадывалась ни в его характере, ни в насмешливом блеске серых глаз.

— Помилуй бог, я не собираюсь вторгаться в те сферы, в которых нечего делать смертному! Лишь изучить ту часть чуда, которая изливается наружу. Думаю, мне хватит на это нескольких часов. После чего я погружу «Беса» обратно и отчалю обратно первым же паромом. Досадно лишь, что приходится столько времени ждать ради этого. Я сойду с ума от скуки, если придется сидеть вот так и пялиться в море еще два часа. Слушайте, я тут подумал... А ваш оруженосец, он-то играет в карты?..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Грауштейн. Гримберт знал, что на грубом и царапающем языке северном наречии это слово означает «серый камень», и теперь, наблюдая за тем, как на горизонте медленно растет зыбкая громада монастыря, размышлял о том, до чего же цепко некоторые слова прирастают друг к другу.

Приорат ордена Святого Лазаря на острове официально именовался монастырем Лазоревой Субботы, но Гримберту еще не встречался в здешних краях человек, который называл бы его иначе, чем Грауштейном. Монастырь лазаритов исподволь захватил название острова, присвоив его себе, и теперь, ощущая под ногами «Судьи» мягкую дрожь грузовой палубы, Гримберт все больше понимал почему.

Грауштейн. Серый камень.

Остров словно выбирался из моря — это такое оплывшее древнее чудовище, посеревшее от бесчисленных прожитых лет, обточенное океанскими волнами до состояния бесцветного булыжника. Монастырь, примостившийся на его спине, издали выглядел наростом на шкуре, причудливым моллюском, намертво уцепившимся за каменную плоть.

Говорят, кельты в эпоху своего могущества трижды обрушивались на остров, пытаясь вогнать его обратно

в океан вместе с защитниками — и трижды откатывались, бессильные что-либо противопоставить ярости монахов-рыцарей.

Монастырь и сейчас выглядел неприступным. Чем ближе паром подходил к негостеприимному берегу, тем с большей резкостью равнодушные глаза «Судьи» различали высокие стены крепкого камня, узкие хребты контрфорсов и крепостные башни, похожие на изломанные остатки древних костей. Кто бы ни возводил этот монастырь много веков тому назад, он не питал иллюзий относительно того, какая судьба его ждет. В те времена каждый монастырь делался крепостью, и не только крепостью веры.

— Я представлял его меньше, — пробормотал Берхард. — Экая громада...

У него не было механических глаз «Судьи», но, кажется, бывший контрабандист не испытывал потребности в дополнительных оптических приборах. Его собственные глаза и так могли дать фору многим из них.

Гримберт усмехнулся:

— Если ты так говоришь, значит, никогда не видел монастыря Святого Бенедикта госпитальеров или иезуитского Сен-Мишеля. По сравнению с ними Грауштейн — мелкая часовня с частоколом.

— Выглядит достаточно крепким, чтоб выдержать даже небесный огонь.

— Небесный огонь — это миф, выдуманный святошами, чтоб держать в страхе всесильных сеньоров, — поморщился Гримберт. — Скорее я поверю в то, что земная твердь покоится на трех китах, чем в то, что высоко над нашими головами располагаются орудия неве-

роятной мощи, способные превратить крепость в россыпь головешек.

— Эти устройства называются орбитальными плазменными платформами, — спокойно заметил Берхард. — И я слышал, что Ватикан сохранил контроль над парой подобных штук.

— Расскажи о небесном огне нашему новому знакомому, уверен, он найдет это занимательным и заслуживающим самого пристального изучения.

Берхард пренебрежительно фыркнул:

— Сиру Нищей Вороне? Благодарю покорно. Кажется, он нашел себе занятие поинтереснее.

— Чем он занят? Я потерял его из виду, как только мы отплыли.

— Насколько я могу судить, толчется среди паломников, пытаясь сбыть перстень из фальшивого золота. Едва ли он в этом преуспеет — судя по всему, здешние почитатели святой пятки никогда не держали в руках больше одного медяка.

— Что ты о нем думаешь?

Берхард задумался. Гримберт знал, что задумчивость однорукого оруженосца редко длится более двух-трех секунд, но к выводам, которые обычно за ней следуют, стоит отнестись со всей возможной серьезностью.

— Вертопрах, бездельник и баламут, — кратко ответил оруженосец. — Но насчет карт не соврал, шельмует ловко. Я подглядел у него пару интересных трюков, которых не знал сам.

— Интересный тип. Вспомнить бы еще, где я слышал это имя...

— Пристрастие к болтовне, картам и вину никому еще не сослужило добрую службу. На твоем месте я дер-

жался бы от него подальше, мессир. Такие люди обладают талантом притягивать к себе неприятности.

Берхард был прав, Гримберт и сам сделал подобный вывод. Все эти безземельные рыцари-раубриттеры, сорняки, младшие отпрыски баронского семени, сродни осколкам, которым не сидится в ране. Слишком беспокойные, чтобы удержаться на одном месте, слишком алчные, чтобы обрести сеньора и покровителя, они разносятся током крови по всей империи, образуя в слабых ее местах тромбы и кровотечения. Такие редко заканчивают жизнь в бою, как их титулованные предки, чаще — в нелепом рыцарском поединке или на плахе. И судя по всему, сиру Хуго скорее уготовано второе.

— Согласен. Он выглядит как пройдоха. Не удивлюсь, если в монастырь наведался только для того, чтобы проверить, не удастся ли стащить отсюда какой-нибудь лакомый кусок.

— В таком случае ему придется попотеть, — буркнул Берхард, не сводя взгляда с медленно приближающейся громады Грауштейна. — Последние лакомые куски отсюда, кажется, вынесли еще монастырские мыши лет этак двадцать назад.

Наблюдая за тем, как Грауштейн медленно выплавляется из глади Сарматского океана, приобретая объем, Гримберт мысленно согласился с ним. Несмотря на то что до монастыря было еще добрых пять миль, даже с такого расстояния было видно, что монастырь Святого Лазаря знавал и лучшие времена. Монументальные стены, возведенные, чтобы противостоять варварским мортирам и рыцарским клиньям, за прошедшие века не покосились ни на сантиметр, но носили на себе безжа-

лостные признаки упадка сродни следам некроза на человеческой ткани. Их явно давно не подновляли и не ремонтировали, а выглядывающие из-за них суставчатые пальцы крепостных башен выглядели запущенными и нежилыми. Вот уж воистину Грауштейн, безрадостно подумал Гримберт, серый камень на сером камне.

— Выглядит как склеп моей прабабки, — пробормотал Берхард. — Не думал, что орден лазаритов пришел в такое запустение, чтобы перестать следить за своим хозяйством.

— Орден Святого Лазаря переживает не лучшие времена. Но сломили его не бретонцы, велеты, бритты, лангобарды, сарацины, мавры, вестготы, свевы, аланы или вандалы. И уж точно не кельты, терроризировавшие эти края двести лет назад. По-настоящему его сломила Рачья война.

Берхард насупил брови. Проживший всю жизнь в Салуццо, он имел слабое представление о событиях в большом свете и никогда не интересовался политикой Святого престола или императорского двора. Что не мешало ему подчас демонстрировать дьявольскую пронизательность, нередко удивляя Гримберта.

— Неудивительно, что единственные претенденты на этот кусок окаменевшего навоза — морские раки.

— Рачьи войны не имеют отношения к ракам.

— Тогда почему они именуется рачьими?

— Знаешь, какой цвет приобретают раки, когда их варят?

— Красный, сдается.

— Да, красный. Как кардинальская сутана. Но дело не только в цвете. Тебе известно, как дерутся раки?

— Не интересовался.

— Они дерутся на самом дне, куда не проникает солнечный свет, среди вечной темноты и холода. Очень жесточно, отхватывая друг от друга целые куски. Точно такая же война кипит между досточтимыми прелатами и Отцами Церкви, только о ней не возвещают герольды и выстрелы орудий. Это очень тихая война где-то глубоко на самом дне, о которой мы можем судить лишь по редким всплескам на поверхности, но она бывает такой же жесточной, как крестьянский бунт или баронская резня. Епископы и кардиналы тянут одеяло на себя, не обращая внимания на треск швов, а церкви, приходы, кафедры, монастыри и ордена не то фигуры на шахматном столе, не то блюда на обеденном.

— Святоши делят свой собственный пирог, — кивнул Берхард. — Не думай, что я вчера родился, мессир.

— Ты даже не представляешь, насколько они неутоlimы в этом занятии! Иногда мне кажется, что их интриги принесли его святейшеству больше головной боли, чем все ереси мира, вместе взятые. Как император в Аахене вечно окружен интригующими придворными, клеветами и вассалами, тщащимися урвать кусок от имперских земель, воспользовавшись его милостью и оклеветав недругов, так и папский двор безуданно интригует, кляузничает и ведет сам с собой бесконечную игру, которая то возносит вчерашних скромных Отцов Церкви к вершинам власти, то заставляет их низринуться в пучину. Такие же порядки царят среди орденов монахов-рыцарей. Со стороны они могут выглядеть нерушимой христианской гвардией, спаянной преданностью Святому престолу, но на деле...

— Не против отхватить кусок друг от друга?

Гримберт кивнул, отчего «Серый Судья», отозвавшись на этот мысленный порыв, неуклюже качнул бронированной головой. Как и все верные слуги, он готов был выполнить любой приказ своего господина, не размышляя и не колеблясь.

— Да. Именно так. Ордены никогда не испытывали друг к другу особой любви. Занимая земли и приходы, они старательно отмежевываются друг от друга, чтобы не делиться с прочей братией тем, что им от своих щедрот послал Господь. Ищут себе высоких покровителей среди папского двора, безуданно интригуют, клеветают, соперничают, строят козни и наветы... Иногда это так и остается тихой грызней под ковром его святейшества, иногда выплескивается в самые настоящие сражения. Не далее как двадцать лет назад картезианцы, объединившись с тринитариями, закатили настоящее сражение под Тулузой зарвавшимся кармелитам. Если верить донесениям моих шпионов, в том бою сгорело по меньшей мере пять дюжин рыцарей, а пехоте и вовсе никто счета не вел.

— Выходит, братьям-лазаритам не очень-то везет в этой игре?

Гримберт едва удержался от того, чтобы пожать плечами. Восприняв это как приказ, «Серый Судья» мог шевельнуться на своем месте, разорвав паутину стяжных ремней и канатов, которые удерживали его на грузовой палубе.

— Орден Святого Лазаря никто не мог упрекнуть в малодушии или трусости. Наравне с прочими лазариты отвоевывали святыни за морем и гибли тысячами в беспрестанных войнах и мятежах. Но они никогда не

были особо сильны по части политики. Им не удалось создать мощную партию при папском дворе, обзавестись могущественными покровителями или ссудить деньгами влиятельных сеньоров. По чести говоря, их и к штурму Арбории привлекли только потому, чтобы не отдавать этот кусок пирога госпитальерам или бенедиктинцам — те издавна точили зубы на лангобардские земли...

Берхард отстраненно кивнул, наблюдая за колышущейся за бортом океанской поверхностью.

— Вот как, значит...

— За последние двести лет лазариты здорово утратили свои позиции. Кое-где им еще удастся поддерживать свое присутствие, держа сильные приораты и дружины монахов-рыцарей, но только не здесь, на северных рубежах. Грауштейн — не твердыня веры, скорее символ былого величия, которому уже никогда не обрести настоящей мощи. Пока случались набеги кельтов, Грауштейн еще мог выполнять роль прибрежной крепости, защищающей континент, но последнего кельга видели здесь во времена моего деда. С тех пор Грауштейн сделался чем-то вроде заброшенного провинциального прихода. Сюда отправляют тех, кто по какой-то причине сделался не нужен ордену на большой земле. Нерадивых священников, древних стариков, бестолковых обсервантов и никчемных братьев-рыцарей.

— Вот почему ты так изумился тому, что этот твой Герард забрался сюда, на край мира?

— Да. Насколько я помню, он всегда был пламенным воином Христовым, но если в окрестностях острова и есть, кому нести слово Господне, так это тунцу — если

тот, конечно, еще не издох от зашкаливающего количества аммиака в воде.

— И на какие мысли это тебя наводит?

— Это бегство, — глядя на тягучую, как жидкий свинец, морскую волну, Гримберт ощутил во рту соленый привкус, к которому примешивалась едкая нефтяная вонь. — Приор Герард от чего-то бежал. Так поспешно, что даже не пожал причитающиеся ему лавры.

— Не вздумай льстить себе, уверяя, будто он бежал от тебя.

Как и полагается рыцарю, Берхард хорошо знал уязвимое место его доспеха. Даже безоружный, он умел вогнать в него острый отравленный шип. Гримберт на несколько секунд прикусил язык, чтобы сдержать излишне резкий, рвущийся наружу ответ.

— Не от меня. Но я готов продать половину своей бессмертной души, чтобы узнать — от кого. Если у господина приора есть столь могущественные враги, способные загнать бесноватого монаха на край земли, мне бы очень пригодилась любая информация о них.

— Вылазка, не бой. Ты уже говорил.

— Верно. Будем благопристойными паломниками. Подивимся на чудодейственную пятку старого мертвеца, выслушаем пару-другую поучительных проповедей и, исполнившись божественной благодати, вернемся к привычному ремеслу. Утащив с собой при этом столько информации, сколько окажется возможным.

— Отрадно видеть, что Паук еще не разучился сообщать. Я только надеюсь, что он будет вести себя достаточно осторожно, чтобы у монастыря Грауштейн не появилась еще одна святыня в придачу к пятке святого Лазаря.

— Какая? — поинтересовался Гримберт с нехорошим чувством.

— Голова маркграфа Туринского. Едва ли она станет мироточить, но монастырь Грауштейн еще много лет будет собирать тысячи желающих поглядеть на голову такого идиота.

* * *

Это было похоже на танец. Две тяжелые махины сближались так стремительно, что едва не сшибались лоб в лоб, но искусности рыцарей хватало для того, чтоб выдерживать дистанцию, не допуская столкновения.

Они кружили друг вокруг друга, точно голодные хищники, однако выстрелов все не было, орудийные стволы молчали, отчего издали казалось, будто это не поединок, а самый настоящий танец — причудливый танец двух огромных механических тел. Резкие повороты, гул предельно напряженных стальных жил — без сомнения, это был поединок, только по каким-то странным, незнакомым Гримберту правилам.

— Что это еще за кадрили? — осведомился он, наблюдая за диковинным зрелищем с почтительного расстояния, — Если это бой, какого черта они не стреляют?

— Что, никогда не слышали про «Шлахтунг»? — добродушно осведомился Шварцрабэ. — Господи, из какой дыры вы явились, сир Гризео?

Сам он наблюдал за странным поединком с куда большим удобством, расположившись прямо на шлеме «Беспечного Беса», беззаботно, точно мальчишка на черепичной крыше, разве что ногами в воздухе не болтал.

На голову он водрузил черный берет без перьев и украшений, в некотором роде даже строгий, но не придававший облику Шварцрабэ ни капли строгости. Напротив, заставляющий его выглядеть еще более развязным на фоне монастырских обитателей.

Уж этот-то точно не испытывал чрезмерной привязанности к своему доспеху — едва лишь паломники оказались во внутреннем дворе монастыря, как он уже распахнул верхний люк, спеша выбраться наружу. Гримберт не мог его в этом винить — архаичное устройство «Беспечного Беса» не предполагало развитой вентиляционной системы, а дни все еще стояли по-осеннему теплые.

Паромщик не солгал, рыцарей в Грауштейне в самом деле оказалось порядочно. Может, не так много, как бывает обыкновенно на рыцарском турнире, но куда больше, чем обычно оказывается одновременно в каком-нибудь городишке по случаю ярмарки. «Серый Судья», ведший строгий подсчет, сообщил о двадцати шести машинах, вызвав у Гримберта неприятное ощущение тяжести где-то под желудком.

Много. Даже больше, чем он предполагал. Почти все машины щеголяли разлапистыми зелеными крестами на лобовой броне — издалека различимый знак принадлежности к ордену прокаженных. Почитатели мертвеца прибыли отдать должное его пятке.

В большинстве своем эти машины не производили впечатления новых, многие из них были порядком потрепаны — еще одно подтверждение того, что орден Святого Лазаря переживает не лучшие свои времена. Многие орудия выглядели устаревшими, а сигнумы на броне, кажется, чаще использовались для того, чтобы

скрыть ржавчину и вмятины, чем для того, чтобы продемонстрировать доблесть, при этом...

При этом каждый из них многократно сильнее «Серого Судьи», мысленно закончил Гримберт, разглядывая выстроившиеся шеренгой у монастырских ворот доспехи. Рыцари были недвижимы, орудия опущены, броникапсулы пусты, однако даже в таком виде они могли произвести серьезное впечатление на всякого, хотя бы немного разбирающегося в военном деле. Даже чересчур серьезное, мрачно подумал он. Две дюжины рыцарей — весомая сила по меркам небольшого графства, и то, что приору Герарду удалось собрать под своим кровом такое воинство, уже внушало определенные опасения.

Если он проколется, если хотя бы в мелочи выдаст себя, приору Герарду достаточно будет бросить слово — и две дюжины бронированных машин разнесут «Серого Судью» в клочья, не дав возможности даже выстрелить. Нелепо думать, будто он сможет оказать сопротивление машинам такого класса.

— «Шлахтунг»? — спросил он у Шварцрабэ, чтобы отвлечься от этих мыслей. — Что это такое?

— Новомодная забава, набирающая популярность в некоторых северных землях. Говорят, изобретение герцога Вюртембергского.

— Не слышал о его рыцарских подвигах, но уверен, его ждет недурная карьера танцмейстера в Аахене.

Шварцрабэ хохотнул:

— Полагаю, герцогу Вюртембергскому просто надоело наблюдать, как рыцари его свиты разносят друг друга в хлам, пользуясь малейшим поводом. Вы ведь сами знаете, как популярны поединки рыцарской чести

при дворе. Достаточно тебе чихнуть не в ту сторону — и рядом уже выстроится очередь оскорбленных дуэлянтов.

Гримберт подумал о том, что сиру Черной Вороне, несмотря на заявленную древность рода, едва ли приходилось бывать даже при графском дворе. Но благоразумно не стал обращать на это внимания.

— Вот как?

— Говорят, за одну долгую зиму, когда в Бюртемберге долго не сходил снег, герцогское знамя потеряло три четверти своих рыцарей — и это притом, что никаких военных действий не было! Вообразите себе бешенство герцога, а заодно и сумму, которая ушла на ремонт доспехов. Тогда-то он и придумал «Шлахтунг». Если подумать, в этом даже есть определенный шик.

— Поединок без снарядов? — Гримберт не скрывал сарказма. — О, не сомневаюсь. Отчего бы им просто не вылезти из доспехов и не отхлестать друг друга носовыми платками?

Шварцрабэ явно наслаждался его замешательством.

— У них есть снаряды. Имитационные. По одному на бойца. Но по правилам «Шлахтунга» результативным считается только выстрел, произведенный точно в кабину противника.

Гримберт понимающе кивнул:

— Тогда понятно, отчего они не стреляют. Всего один шанс на победу.

— Принято считать, что в «Шлахтунге» есть своя особая элегантность. Он подходит для тех, кто не привык попусту терзать гашетку, но мнит себя мастером маневра. По правде сказать, для этого требуется очень приличная координация движений, не говоря уже об

опыте. Не знаю, чего ради столкнулись лбами эти двое, но новичков среди них нет.

Гримберт склонен был с этим согласиться. Рыцари, ведшие бой на просторном монастырском подворье, явно не были дилетантами в этом странном поединке. Их машины постоянно находились в движении, подчас демонстрируя удивительную для махин такого класса грацию. Лязгали железные члены, грозно шипела гидравлика, тяжелые стальные ступни вышибали из гранитных плит мелкую крошку вперемишку с искрами.

И в самом деле похоже на танец, подумал Гримберт. Натиск, отход, резкий маневр, поворот... Рыцари обступали друг друга, пытаясь неожиданным маневром поймать противника в невыгодной для него позиции, чтоб разрядить орудие в его единственную уязвимую точку, но выстрела все не было — судя по всему, пилоты почти не уступали друг другу в мастерстве, притом что определенно обладали разным стилем.

Тяжелый штурмовой «Хастум» никогда не создавался для маневренного боя. Как подобает тяжеловесу, созданному в далеких грохочущих кузнях Базеля, нагруженный многими тоннами бронированной стали и неспешный, он не пытался переиграть своего противника в активном маневрировании, понимая, что его силовая установка не создана для подобных нагрузок. Вместо этого он старался одолеть соперника коротким и резким, как бросок аллигатора, натиском, вынуждая того поспешно разрывать дистанцию и уходить в ожесточенную маневренную оборону.

Эта машина явно знавала времена получше нынешних. Даже с почтительного расстояния Гримберт различал многочисленные вмятины и оспины на ее броне —

явственный признак того, что ее владельцу довелось пробовать свои силы не только в новомодном «Шлахтунге» с имитационными снарядами. Об этом свидетельствовали и бесчисленные памятные сигнумы, нанесенные краской на броню. Гримберт не мог распознать и половины из них, но, если те, что были ему знакомы, не лгали, эта машина участвовала по меньшей мере в десятке Крестовых походов, что само по себе внушало почтение — и к рыцарю и к его доспеху.

— «Ржавый Жнец», — Гримберт прочел горящую на визоре сигнатуру вслух. — Чертовски подходящее имя, как по мне.

— Если мне не изменяет зрение, на его доспехе волк в красно-белую клетку, — Шварцрабэ в задумчивости потер узкий подбородок. — Это значит, он из Моравии. Тамошние рыцари славятся как славные рубаки, хоть и тяжелого нрава. Помогли святая пятка его противнику...

Противником «Жнеца» была машина совсем другого класса, и это сразу бросалось в глаза. Штучная сборка, мгновенно определил Гримберт, так не похожая на грубые, похожие на тяжелые, лязгающие волчьи капканы, машины из Базеля. В ее основе угадывался «Сангус» — стремительная машина среднего класса работы мастеров из Инсбрука. Она определенно не создавалась для штурма хорошо подготовленной обороны или осады и оттого не несла на себе ни тяжелых, прикрывающих со всех сторон бронированных плит, ни огромных мортир. Проворная, обладающая отменной маневренностью, она ни мгновения не оставалась в неподвижности и в этом походила на хищную осу, вьющуюся вокруг более неповоротливого и тяжелого противника.

Если верить цифровой сигнатуре, машина именовалась «Варахиил», и Гримберт лишь усмехнулся самоуверенности хозяина, имевшего дерзость окрестить свой доспех именем архангела. Впрочем, усмешка быстро сошла с его лица. «Сангусы» не стяжали себе во франкской империи значительной славы, они считались капризными и сложными в управлении машинами, не прощавшими ошибок и требующими недюжинной подготовки. Но Гримберт знал истинный потенциал этих машин и всегда воспринимал в качестве опасных противников. Рыцарь, способный овладеть управлением «Сангусом» на должном уровне, в бою стоил троих. И судя по тому, как двигался этот, носящий звучное имя «Варахиил», его владелец был отнюдь не новичком.

«Варахиил» бесстрашно встречал натиск «Жнеца», как тростинка встречает порыв тяжелого ветра. Ни мгновения не оставаясь на месте, он непрерывно маневрировал, пользуясь тяжеловесной статью своего оппонента, ловко разворачивался, укрывая уязвимую кабину от атаки, и сам стремительно контратаковал, вынуждая того самого уходить в оборону. Тонкая броня «Варахиила» была выкрашена в белый и золотой цвета. Изогнутые и тонкие бронепластины не были предназначены для того, чтоб выдерживать шквал вражеского огня, но они даровали рыцарю изящество, не свойственное смертоносному инструменту. Если «Жнец» походил на заряженный волчий капкан, ждущий удобного случая, чтоб смять противника и уничтожить, «Варахиил» был белоснежной лилией, танцующей на ветру, но Гримберт, наблюдавший за поединком, хорошо сознавал, что это отнюдь не безобидный цветок...

— Ах черт, недурно, недурно... — Шварцрабэ восхищенно треснул кулаком по броне своего «Беса». — Слушайте, любезный сир Гризео, а не побиться ли нам об заклад? По маленькой, пять монет. Я бы, пожалуй, поставил на «Варахиила». Что скажете?

Гримберт поморщился. Сир Хуго обладал определенным обаянием, что делало его интересным собеседником, однако своим непринужденным и даже легкомысленным поведением зачастую привлекал к себе излишне много внимания. Того самого внимания, которого Гримберт собирался по возможности избегать, оказавшись в логове лазаритов. Он с удовольствием позабыл бы об их знакомстве, приступив к прощупыванию почвы, кабы не сам сир Хуго. Тот вел себя так, будто они с Гримбертом были давними приятелями, так что стоило «Серому Судье» сойти с парома, как «Беспечный Бес» сделался его постоянным спутником. Это не причиняло неудобства — комментарии Шварцрабэ зачастую были ядовиты, но остроумны, — однако иногда сбивало с толку.

— Спасибо, воздержусь, — немного сухо отозвался Гримберт.

— Бойтесь повредить своей рыцарской добродетели, участвуя в азартных играх?

— Боюсь остаться без гроша в кармане. А этим неминуемо закончится, если я примусь делать ставки всякий раз, когда увижу очередных болванов, затеявших поединок черт знает из-за чего.

Внутренне он был согласен со Шварцрабэ. Поединок еще не был закончен, но опытный рыцарь всегда знает, на что обратить внимание. «Ржавый Жнец» ни на минуту не прекращал натиска, но сразу делалось ясно, что

он не обладает достаточной выносливостью, чтобы развить его, обратив в победу. Тяжелая громада из щербатого металла быстро теряла дыхание, чего нельзя было сказать о ее противнике.

«Варахиил» стремительно отходил в сторону, беспрестанно маневрируя, сбивая «Жнецу» прицел и уклоняясь, закручивая своего неповоротливого оппонента в сложном танце из постоянных финтов, ложных выпадов и контратак. Раз за разом «Жнец» устремлялся вперед, пытаясь смять его оборону, но этот натиск быстро ослабевал, когда выяснялось, что никакой обороны и нет. Способный в одиночку крушить крепостные стены, он тщетно пытался поразить пустоту, активно работая орудийными стволами и раз за разом неумолимо опаздывая.

Гримберт даже посочувствовал этому неукротимому стальному зверю, опаленному множеством битв. В обычном бою «Жнец» еще смог бы потягаться с «Варахиилом», обратив против него свою чудовищную огневую мощь, но новомодный «Шлахтунг» с его хитрыми правилами не оставлял ему шансов. Едва ли мироточащая пятка святого Лазаря способна была свершить чудо.

В стороне от сражающихся выстроились шеренгой другие доспехи, но ни один из них не обладал чертами, которые могли бы заинтересовать Гримберта. Наметанный глаз быстро вычленил из пестрого сборища разномастных машин два или три десятка с бросающимся в глаза зеленым крестом, знаком принадлежности к воинству Святого Лазаря, больше похожих на свору отощавших бездомных собак. Однако прочие доспехи на их фоне едва ли выглядели сверкающими жем-

чужинами. Это были сплошь устаревшие машины, худо-бедно подлатанные и зачастую несущие на себе неуместно броские гербы.

— Судя по всему, здесь собрался сброд со всех окрестных графств, — Гримберт заставил динамики «Судьи» звучать так тихо, чтоб голос разобрал только Берхард. — Только взгляни на весь этот хлам! Я удивлен уже тем, что все они смогли дотащить до Грауштейна, не развалившись на части!

— Младшие баронские сыновья, — столь же тихо отозвался оруженосец, глядевший на схватку без особого интереса. — Самое жадное, нетерпеливое и ничемное племя в здешних краях. Не имеющие ни земли, ни денег, они зачастую устремляются туда, где что-то происходит, в надежде урвать хоть толику славы или золота, и неважно, что это, мелкий мятеж, война или явление чуда.

Хорошо, что этого не услышал поглощенный поединком Шварцрабэ, иначе наверняка бы воспринял на свой счет.

— Разве более титулованные рыцари не собираются почтить Грауштейн своим присутствием? Я не вижу ни одного графского герба.

— Их и не будет, — заверил его Берхард. — Какому уважающему себя сеньору придет в голову тащиться в этот медвежий угол, чтобы полюбоваться на чертову пятку? Уверяю, мессир, все окрестные графья прекрасно знают цену этому чуду. Не будь в этом захудалом монастыре пятки святого Лазаря, замироточило бы хоть даже и тележное колесо. Этот твой приятель Герард попросту пытается поправить состояние своего приората, зазвав побольше паломников. Неудивительно,

что стягиваются сюда такие же братья-монахи, как он сам, и прочая шваль. Едва ли ему удастся много выручить с этой задумки.

— Не ляпни чего-то подобного в присутствии священника, — посоветовал ему Гримберт. — Иначе тебе несдобровать. Уверяю, эти господа в рясах относятся к своему чуду самым серьезным образом, а огневой мощи «Судьи» не хватит, чтобы сдержать это ржавое воинство.

— Не буду, — буркнул Берхард. — А теперь, если позволишь, я отведу мулов в конюшню и попытаюсь раздобыть для них хоть бы горсть сена. Чертовы твари боятся грохота.

— Отведи. И заодно постарайся выведать по пути все, что удастся. Если хозяйством у них занимаются облаты или обсерванты, еще лучше. Может, эти будут поболтливее самих монахов.

Берхард удалился, ведя под узду мулов. Бросив взгляд на площадку, Гримберт заметил, что рисунок боя немного изменился. «Жнец» отчаянно пытался сохранить за собой инициативу, но та утекала, как вода из пробитого радиатора. «Варахиил» ожесточенно атаковал его с разных сторон, пытаясь подгадать момент, когда шлем тяжеловеса окажется на траектории огня его орудий. И судя по всему, ждать оставалось недолго.

— Глубокоуважаемые! — Шварцрабэ приставил ко рту ладони, обращаясь к наблюдающим за поединком зрителям общим числом в несколько десятков. — Не будет ли кто-нибудь из вас любезен сообщить, что за славные рыцари сошлись в схватке, а также повод, который свел их вместе?

Гримберт поморщился, и было от чего. Большую часть зрителей составляли сами же монахи, некрозные слуги святого Лазаря. Вернее одинаковых коричневых ряс их выдавала благословенная печать лепры, намертво въевшаяся в лица. Удивительно, что болезни, осененной славой святого, была свойственна истинно дьявольская изобретательность. Она никогда не оставляла одинаковых следов, всякую свою жертву уродуя по-своему, на оригинальный манер. Лица некоторых представляли собой подобие свисающей ключьями гнилой мешковины, другие же, напротив, были чисты, если не считать зловещего потемнения на лбу, жутковатого загара, возвещающего о скором поражении плоти. У некоторых болезнь пожирала носы, оставляя на их месте хлюпающие провалы, или челюсти, превращая рты в подобие открытых кровоточащих язв. Некоторых монахов лепра скручивала, будто пытаясь свить из них пряжу, или, наоборот, превращала в подобие туго налитых скверной бурдюков.

Наблюдая сквозь визор «Судьи» за нороящими живо слезть скальпами, перекрученными костями и жуткими ухмылками, Гримберт искренне поблагодарил Господа за замкнутый цикл очистки воздуха, благодаря которому он сам оставался в безопасности. Шварцрабэ, судя по всему, лучше фильтрационных установок охраняла его собственная беспечность.

— Тот, который на «Ржавом Жнеце», это сир Томаш фон Глатц. А на «Варахииле» — сир Анжей Ягеллон по прозвищу Стерх из Брока.

Ответивший Шварцрабэ не был монахом, кожа его была чиста. Да и не в характере братьев-лазаритов было облачатся в расшитые колеты с пышными во-

ротниками. Это облачение не могло скрыть необычайно дородную фигуру, живот которой безжалостно выпирал под много раз чиненным и штопанным бархатом. Вот ведь увалень, подумал Гримберт с мимолетной брезгливостью, хотел бы я знать, сколько оруженосцев требуется, чтоб запихать брюхо этого рыцаря в доспех?

— Хуго фон Химмельрейх, странствующий рыцарь, — отрекомендовался Шварцрабэ, с легкостью спрыгивая вниз и протягивая руку толстяку. — К вашим услугам, сир.

— Фран... Сир Франц Бюхер. К вашим!

От Гримберта не укрылось замешательство юнца, как и легкая дрожь его пухлой руки в цепкой хватке Шварцрабэ.

— Если не секрет, сир Франц, сколько полных лет вы прожили на белом свете?

Должно быть, сир Францу не раз задавали этот вопрос, его пухлые щеки осветились изнутри румянцем.

— Достаточно, чтобы быть посвященным в рыцари.

Лет семнадцать, прикинул мысленно Гримберт. Суший молочный поросенок. Человек, посвящавший тебя в рыцари, или был в плохом расположении духа, или отличался редким остроумием. В Турине я приказал бы срезать с твоей жирной спины два-три ремня, если бы ты только осмелился подойти с тряпкой к «Золотому Туру». А тут — подумать только — рыцарь!

Однако Шварцрабэ, похоже, был далек от подобных мыслей.

— Не сомневаюсь, сир Франц, не сомневаюсь! — Он потряс руку толстяка, может быть, излишне энергично,

но с выражением искреннего восхищения на лице. — Более того, уверен, что, если бы нам пришлось сойтись в поединке, вы бы задали мне славную трепку!

— Признаться, я... Не очень-то опытен в поединке. Меня посвятили лишь год назад и...

— Прискорбно, что скромность не значитя среди семи христианских добродетелей, — заметил Шварцрабэ. — Иначе вы бы непременно стали ее земным воплощением.

Румянец Франца Бюхера стал гуще.

— Я... Мой доспех стоит на правом фланге, второй с краю. Зовется «Стальная Гора».

Взглянув в указанном направлении, Гримберт лишь беззвучно выругался. Сооружение, неудачно названное Францем «Стальной Горой», являло собой немалое сходство со своим хозяином — нелепое нагромождение брони и разномастных орудий, многие из которых, судя по всему, были изношены настолько, что представляли собой скорее причудливое украшение, чем инструмент боя.

Однако Шварцрабэ цыкнул зубом с таким выражением, будто увидел самого «Великого Горгона», не меньше.

— Недурная машина, — заметил он тоном знатока. — Тонн пятнадцать?

— Восемнадцать.

— Силовая установка — дизель?

— Два двухтактных. Это... старая модель.

— Старая — значит, проверенная временем! Ох, совсем забыл представить вам моего приятеля, сира Гризео и его «Судью». Сир Гризео — тот еще молчальник, однако обладает зорким глазом и острым языком, что

подчас важнее пушек. А теперь, когда мы свели наконец знакомство, умоляю, сир Франц, утолите наше любопытство, рассказав, что здесь происходит и какому поводу мы обязаны за столь интересное зрелище.

А он не дурак молотить языком, подумал Гримберт с некоторой уважительностью. И льстить. Он не знаком с Францем и минуты, а тот уже пыжится от гордости и, судя по всему, готов рассказать все на свете, включая количество бастардов своего папаша. Пожалуй, с этим Шварцрабэ надо поосторожнее, он определенно относится к тем людям, которые способны вскрыть чужую броню без кумулятивных снарядов.

— Сир Ягеллон вызвал на поединок сира Томаша, но приор Герард запретил использовать на территории монастыря настоящие снаряды, вот они и остановились на «Шлахтунге».

— Так вы знаете обоих?

— Познакомились немного в пути, — судя по смущенному кивку их нового знакомого, уже этот факт казался ему поводом для гордости. — Прибыли вместе на вчерашнем пароме.

— Значит, эти двое всего за день нашли повод для размолвки? Неплохо! Совсем неплохо! — Шварцрабэ сверкнул глазами. — Надеюсь, здесь была замешана какая-то темная история с прекрасной дамой? Какие-то мрачные родовые тайны? Нет ничего хуже поединков под надуманным предлогом, порожденных скукой или тщеславием.

— Сир Томаш и сир Ягеллон не сошлись во взглядах на веру, — уклончиво ответил Франц. — Сир Ягеллон не смог согласиться с высказыванием сира Томаша каса-

тельно Пресвятой Богородицы, что и послужило причиной вызова.

— Подумать только! — восхитился Шварцрабэ. — Во времена моей молодости среди рыцарей было обычным делом вызывать друг друга на бой из-за пролитой кружки пива или мимолетной пощечины. Отрадно видеть, что нынче господа рыцари ломают копья из-за вопросов веры, точно ученые святые отцы.

Франц смутился еще больше.

— Мне кажется, предмет их спора был далек от теологии, — пробормотал он. — Сир Томаш — старый воин и иногда допускает несдержанность, особенно когда находится в дурном настроении, как сегодня. Сир Ягеллон помянул с благодарностью Деву Марию, на что сир Томаш, маявшийся мигренью, заметил, что не видит в Житии Богоматери никаких чудес. По его словам, он знал в Брно одну чистую непорочную девицу, которая отличалась всеми мыслимыми добродетелями, выставляла все службы в церкви и исповедовалась раз в неделю, при этом отличалась невинностью голубки, однако это не мешало ей рожать аккуратно раз в год, что твоей лошади.

— Весьма неосторожное замечание, — заметил Шварцрабэ делано небрежным тоном. — Что ж, мир огромен и многолик, сир Бюхер, и иногда эти лики способны запутать кого угодно. Мне доводилось видеть маркитанток, скромных, как монахини, и монахинь, обладающих такими пороками в самых низменных человеческих сферах, что могли бы сойти за дьяволиц. Однако...

— Бога ради, не сейчас! — одернул его Гримберт. — Кажется, бой вот-вот закончится.

* * *

Он оказался прав. Поединок продлился еще двадцать секунд или немногим более того. «Ржавый Жнец» устремился было в решительное наступление, отесняя массивным корпусом своего более легкого противника, и в какой-то момент Гримберту даже показалось, что тот откроется, подарив сиру Томашу победу. Но он недооценил сира Ягеллона, кем бы тот ни был.

Мастерским движением тот крутанулся вокруг своей оси, так легко, будто управлял не многотонной боевой машиной, а соломенной куклой. И прежде чем медлительный «Жнец» успел сориентироваться, все уже было кончено — орудие «Варахиила» выплонуло короткий оранжевый язык пламени. На фоне лязга стальных доспехов и грохота брусчатки выстрел прозвучал негромко, но бой мгновенно прекратился сам собой. «Ржавый Жнец» замер почти тотчас. На его глухом тяжелом шлеме темнела небольшая угольно-черная опалина, почти незаметная на фоне многочисленных шрамов и отметин на броневой стали, но поставившая неумолимую точку в поединке — безжалостный символ поражения.

— Прощайте, мои пять монет, — вздохнул Шварцрабэ, укоризненно поглядывая на «Серого Судью». — Что ж, могу засвидетельствовать, что победа была славной и совершенно честной.

Монахи-рыцари встретили эту победу молча, не проявляя чувств. Кажется, единственным из присутствующих, на кого она по-настоящему произвела впечатление, был Франц Бюхер. Он заворуженно наблюдал,

как боевые машины, раскаленные после боя, медленно опускаются наземь, окутанные клубами пыли и пара. Ни дать ни взять, сейчас представлял себя на месте победителя, позволив воображению пририсовывать к этой упоительной картине восторженных дам и лавровые венки.

Сопляк, подумал Гримберт, испытывая более раздражение, чем злость. Простодушный сопляк, начитавшийся рыцарских романов и ждущий очереди проявить себя. Такие обычно долго не живут, восторженность и романтизм — худшие спутники для раубриттера. С другой стороны, никогда не знаешь, как тобой распорядится судьба. Вдруг Францу встретится на жизненном пути щедрый сеньор, готовый возложить на него необременительные обязанности — и тот встретит старость в собственном, пусть и небольшом, замке, окруженный многочисленными отпрысками и теплом семейного очага...

Сир Ягеллон соскочил на землю легко и изящно, почти беззвучно, оправдывая свое прозвище — Стерх из Брока. В нем и верно угадывалось нечто птичье, быть может, из-за худощавой фигуры, по-орлиному внимательного взгляда и какой-то холодной сдержанности, свойственной многим хищным птицам. Облачен он был в щеголеватый комбинезон, расшитый серебряной и золотой нитью, но наметанный глаз Гримберта мгновенно определил, что его броскость — скорее заслуга портного, чем свидетельство платежеспособности хозяина. На комбинезоне угадывались аккуратно зашитые прорехи и потертости, безжалостные признаки того, что сир Ягеллон знал и лучшие времена. Еще более явственным признаком было то, что к раскаленному

после боя «Варахиилу» не устремились слуги и оруженосцы, спешащие проверить уровень масла, заменить смазку и смахнуть с золоченой брони въевшуюся пыль. Однако сир Ягеллон держался с таким холодным достоинством, будто и вправду был орлом в окружении облезших ворон.

Держится как граф, подумал Гримберт, хотя по всем признакам — такой же нищий раубриттер, как и все прочие, собравшиеся здесь. Но, без сомнения, опасный противник, раз умеет использовать возможности своего доспеха на все сто процентов.

Насколько «Жнец» и «Варахиил» представляли собой совершенно разные машины, настолько и их хозяева не походили друг на друга, более того — являли собой полную противоположность.

Хозяин «Ржавого Жнеца» вывалился из кабины тяжело, как куль с отсыревшей мукой. Сир Томаш фон Глатц выглядел так, словно его несколько дней растягивали на дыбе, разрывая и дробя каждый сустав и каждую кость. Скособоченный, чудовищно сутулый, подволакивающий ногу, он двигался с тяжелой порывистостью старого механизма, который, даже будучи предельно изношенным, все еще остается на ходу. Но страшнее всего было его лицо, походившее на бледно-багровую маску, состоящую, казалось, из сплошной рубцовой ткани, перекошенную и туго натянутую на череп. Одна глазница запеклась в коричневой корке застарелого ожога, из другой на мир тяжело и сердито взирал глаз с неестественно белой радужкой, будто бы выжженный изнутри.

— Поздравляю с победой, юноша, — хрипло бросил он Ягеллону, невозмутимо стоящему возле своего до-

спеха. — Заверяю, будь я лет на пять моложе, она не далась бы вам столь легко!

Ягеллон взглянул на него с истинно птичьим безразличием, как смотрят обычно на деталь обстановки, не имеющую особенной важности.

— Надеюсь, пять лет назад вы внимательнее следили за своим языком.

Томаш заворчал, глядя на своего соперника исподлобья:

— Самодовольный павлин... Думаете, этот балет, который вы называете поединком, хоть в малейшей мере похож на настоящий бой? Что вам знать об этом?

И без того бледная кожа Ягеллона приблизилась на пару тонов к холодному мрамору.

— Благодарю за бой. Я обязательно извещу вас, если захочу узнать ваши соображения касательно этого.

Но если он хотел охладить пышущего жаром Томаша, то лишь зря тратил время.

— Бой — это не проклятые пируэты! — тот осклабился. — Это испепеляющий огонь, бьющий вам прямо в лицо! Это земляные валы и эскарпы! Это броневойные батареи, кроющие фланговым, и горящая нефть под ногами! А вы...

Пожалуй, эти двое сейчас вцепятся друг другу в глотки, злорадно подумал Гримберт, даже без доспеха. Чувствуется, что оба напряжены, видно, долгое ожидание Грауштейнского чуда не наделило их души христианским смирением.

Шварцрабэ выскочил, словно чертик из табакерки. Гибкий, подвижный, улыбающийся, в своем щегольском и неуместном берете, он очутился между Ягелло-

ном и Томашем так легко, будто был закадычным приятелем обоих.

— Превосходный бой! — с жаром произнес он, пожимая руки, которые отнюдь не стремились ему навстречу. — Признаться, прежде я самонадеянно мнил себя человеком, разбирающимся в «Шлахтунге», но теперь вижу, что не гожусь вам обоим даже в подметки. Какой бой! Потрясающе, просто потрясающе. Если бы некрозные братья сообразили взимать плату со зрителей за его просмотр, то завлекли бы в Грауштейн куда больше паломников, чем какая-то пятка. Сир Хуго фон Химмельрейх — к вашим услугам! Так уж случилось, что у меня в кармане завалялось несколько монет, и я охотно потрачу этот капитал на кислое монастырское пиво, чтоб спрыснуть эту славную победу и заодно выслушать ее детали от участников. Что скажете?

Его слова не нашли горячего отклика. Томаш молча вырвал руку и заковылял к своему доспеху, что-то нечленораздельно бормоча на ходу. Двигался он так, будто в его позвоночнике не осталось ни одного целого позвонка, а во внутренностях со стороны на сторону перекатывался тяжелый чугунный шар.

Кусок упрямой плоти, подумал Гримберт с каким-то болезненным уважением. Явно провел в доспехе не один десяток лет, тот украшен сигнумами битв со всех сторон, точно птичьим пометом.

— Благодарю за приглашение, — Ягеллон взглянул на Шварцрабэ без злости, но явственно подчеркивая сухостью голоса разделяющую их пропасть. — Однако вынужден его отклонить. С минуты на минуту господин приор возвестит о начале службы, а мне бы не хотелось пропустить литургию, восседая за кружкой.

Он вежливо кивнул им и тоже удалился, неестественно прямой, с высоко поднятой головой.

Даже не орел среди ворон — павлин на курином подворье, с желчной усмешкой подумал Гримберт, прав был старый Томаш. Судя поговору, безусловно лехит, да и черты подходящие. И, как все лехиты, пыжится от гордости, несмотря на то что беден как церковная мышь. Если бы хотя бы часть его гонора можно было переплавить в золото, он стал бы богаче императорского казначея.

— Что думаете? — осведомился Шварцрабэ у Гримберта и Франца, потирая руки.

То, что его предложение оказалось отклонено, кажется, немало его не огорчило. Вероятно, все поражения в своей жизни сир Шварцрабэ привык встречать с легкостью и улыбкой. Гримберт мрачно подумал о том, какую улыбку тот выжал бы из себя, доведись ему побывать в шкуре маркграфа Туринского.

— Думаю, старый рубака прав. Лет пять назад этот поединок мог закончиться иначе.

Шварцрабэ взглянул на него с веселым изумлением:

— «Старый рубака», сир Гризео? Хотите сказать, вы его не узнали?

— Я недавно в этих краях, — осторожно ответил Гримберт. — И не имею удовольствия быть знакомым со здешними рыцарями даже заочно.

— Я сразу заподозрил, как только увидел все эти бесчисленные сигнумы, и только сейчас вспомнил. Это ведь Красавчик Томаш из Моравии, не так ли, сир Бюхер?

— Совершенно верно, — пухлый Франц попытался кивнуть с небрежным достоинством, как взрослый. — Это он и есть.

— Досадно, что мне не удалось толком перебраться с ним словом!

— Ну и кто таков этот Томаш? — сухо поинтересовался Гримберт. — Хотя подозреваю, что Красавчиком его нарекли не случайно, в этом качестве он затмил бы многих известных мне сердцеедов.

Шварцрабэ искренне рассмеялся:

— Вы сразу понравились мне за свое чувство юмора, старина. Сир Томаш фон Глатц, быть может, не первое копье герцогства, но определенно пользуется известностью.

— Он похож на старого скотобойца, а не на рыцаря.

— Это потому, что каждая битва, в которой он принимал участие, отщипнула от его фигуры кусочек мяса.

— Он в самом деле побывал в таком количестве битв, как говорят сигнумы на его броне?

— В самом деле, — кивнул Шварцрабэ. — Говорят, если в какой-то битве не присутствовал случайно Красавчик Томаш, она впоследствии признавалась несостоявшейся. Что говорить, я слышал, за ним числится два десятка Крестовых походов. Два десятка!

— Это... заслуживает уважения, — вынужден был признать Гримберт. — Но едва ли симпатии. Мне он показался весьма... грубым.

Шварцрабэ щелкнул языком:

— О, нрав Томаша — притча во языцех! Голодный стервятник на его фоне — знаток придворных манер и такта. Однако я могу понять его. Для вас или для меня война — дело чести или долга. Неприятное и довольно редкое событие, о котором позволительно вспоминать лишь за трактирным столом в окружении друзей, уснащая вымышленные истории гроздьями спе-

лых метафор. Для него же война — нечто другое. Это ремесло, которому он посвятил всю свою жизнь без остатка.

— Не похоже, чтобы оно обеспечило его старость.

— Еще одно подтверждение тому, что слухи часто безосновательны, мой друг сир Гризео. Многие за глаза считают сира Томаша беспринципным головорезом и охочим до золота старым разбойником, но мы с вами имеем возможность убедиться в обратном. Как видите, выбранная им стезя не покрыла его ни славой, ни златом. Однако среди прочих рыцарей его выделяет одна важная черта. Стоит папскому легату взяться за горн, возвещая начало очередного похода в сердце Антиохии, чтоб вразумить неразумных еретиков, как сир Томаш уже захлопывает люк своего «Жнеца», пока все прочие еще только полируют шпоры. Бьюсь об заклад, он может рассказать немало интересного о своей жизни и свершениях, вот только редкий миннезингер захочет украсить подобными деталями свою «крестовую песнь»...

— А я бы не отказался послушать. — Франц все еще не мог оторвать взгляда от неуклюжей громады «Жнеца». — Уверен, многие истории сира Томаша весьма поучительны.

Хоть он попытался произнести это нарочито нейтральным тоном, Гримберт едва не прыснул в микрофон, до того детским сделалось в этот миг лицо владельца «Стальной Скалы».

Пожалуй, этим тебе и следовало заняться, подумал он, сидеть, держась за мамашину юбку, и слушать истории о славных рыцарях, утверждающих добродетель и веру силой своих орудий, вместо того, чтоб шляться в компа-